

26(20-4Т-11)
Т. К. * Т 70

Сто лѣтъ бытія Тульской Епархіи.

Историческій взглядъ на епархіальную жизнь
съ 1799-го по 1899-й годъ.

Рѣчь Н. Ив. Троицкаго.

Произнесена на юбилейномъ Актѣ въ залѣ Тульскаго
Дворянскаго Собранія 17 Октября 1899-го года.

Т У Л А .

Типографія И. Д. Fortunatova, Кіевская ул., д. Платоновыхъ.

1899.

Сто лѣтъ бытія Тульской Епархіи.

Историческій взглядъ на епархіальную жизнь съ 1799-го по 1899-й годъ.

Рѣчь Н. Ив. Троицкаго.

Исполненіе ста лѣтъ бытія архіерейской кафедры въ городѣ Тулѣ или, что тоже, существованія Тульской епархіи—несомнѣнно радостное событіе; оно и составляетъ предметъ настоящаго духовнаго и церковнаго торжества; но, какъ такое, оно дѣлается и предметомъ историческаго поученія—при взглядѣ на епархіальную жизнь, въ ея ширь и глубь. Причемъ пониманіе такой жизни существенно зависитъ отъ качества историческаго взгляда на нее.

При взглядѣ на настоящее событіе прежніе историки, умѣренно—либеральные, сказали бы такъ: открытіе епархіи стоитъ въ прагматической связи съ административной централизаціей, которая имѣла мѣсто въ нашей исторіи въ прошедшемъ столѣтіи. Новѣйшіе, неумѣренно—либеральные историки скажутъ такъ: въ данномъ событіи не было преднамѣренной цѣли чьей-либо; это историческое явленіе есть прямой и необходимый продуктъ исторической эволюціи общественной жизни, на данной степени ея культуры.—Надѣюсь, что и для немногихъ это не много понятно и, конечно, очень не ясно для всѣхъ. Однако, здѣсь то очевидно, что при такихъ взглядахъ на построеніе исторіи по смѣтѣ вовсе не полагается участіе въ событіяхъ общественной жизни Высшей Воли—Промысла Божія и Творческаго Разума. Мы же исповѣдуемъ и въ мірѣ и въ исторіи Божію силу и Божію Премудрость; а въ основаніи новыхъ Церквей—непосредственное дѣло все зиждущей благодати Св. Духа. Отсюда,—всякая новая Церковь есть новый источникъ божественнаго свѣта и новое проявленіе жизни духовной,—болѣе яркаго свѣта и болѣе совершенной жизни общественной.

Появленіе всякой новой Церкви Божіей, тамъ или здѣсь, въ самомъ началѣ своемъ, глубоко таинственно и доступно

лишь созерцанію глубоко благочестивой мысли. Такъ, нѣкогда гениальный творецъ великолѣпной „Мессіады“ (Клоштокъ) своимъ благоговѣйнымъ поэтическимъ слухомъ воспринялъ слова таинственной бесѣды двухъ Серафимовъ, когда одинъ—Элоа, созерцая тайну будущаго искупленія міра, такъ спрашивалъ друга своего—Урима:

„Смотри, другъ Уримъ, какъ въ священной тиши,
Въ серебряныхъ тучахъ мерцають огни;
Ихъ тысячи тысячъ, они возвѣщаютъ
Число тѣхъ церквей, прославляющихъ Бога,
Съ которыми Онъ примиренъ будетъ Сыномъ.
Ты можешь ли счесть все число ихъ святое?“
— „Мы можемъ міры всѣ исчислить, Элоа,—
Всѣ подвиги ангеловъ, радости ихъ;
Но умъ нашъ не можетъ постигнуть всѣхъ слѣдствій
Божественной Жертвы—людей искупленья...“¹⁾

Отвѣчалъ Архангелъ Уримъ,—князь надъ стихіей горняго свѣта.

Конечно, главнѣйшее изъ такихъ „слѣдствій божественной Жертвы—людей искупленья“ и есть основаніе новыхъ и благоустроеніе прежнихъ отдѣльныхъ церквей.

Итакъ, рѣки Божественной и Животворящей Крови, истекающія отъ ребръ пречистаго Тѣла Христа Искупителя и орошающія наземный міръ, какъ нѣкогда рѣки орошали первозданный рай, вотъ источники, орошающіе и земную Церковь Божію, и единственно они даютъ ей жизнь, развитіе, развѣтвленіе, а вмѣстѣ—истинное, полнѣйшее совершенство и даже блаженство: слѣдовательно, отъ нихъ произрастають и новыя вѣтви виноградника Божія, —новыя церкви по всей вселенной.

Такъ таинственно происхожденіе церквей; но что можетъ значить собственно перенесеніе кафедры Епископа изъ одного мѣста въ другое?—Безъ сомнѣнія, какъ все въ Церкви Христовой, такъ и поставленіе Епископа на его кафедру и перемѣщеніе этой кафедры не можетъ быть безъ особой причины въ прошедшемъ, или безъ особой цѣли въ будущемъ, или безъ особаго значенія для церкви, въ ея настоящемъ. Тайнозритель судебъ церкви Божіей, Евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ дивномъ своемъ Апокалипсисѣ открываетъ, что однажды, въ

---

¹⁾ Мессіада. Сочиненіе Клоштока. Перевелъ Сергѣй Писаревъ. Ч. I. Сиб. 1863 г. Пѣснь I. Стр. 15; ср. 16—17.

воскресный день, онъ былъ въ духѣ и услышалъ громовый гласъ позади себя; и, обратившись, онъ увидѣлъ семь золотыхъ свѣтильниковъ, и среди семи свѣтильниковъ подобнаго Сыну Человѣческому, облеченнаго въ подирь (т. е. въ первосвященническую одежду)... Онъ держалъ въ десницѣ Своей семь звѣздъ, и сказалъ: „Не бойся; Я есмь Первый и Последний, и Живый... Я имѣю ключи ада и смерти. Итакъ, напиши, что ты видѣлъ, и что есть, и что будетъ послѣ сего. Тайна семи звѣздъ, которыя ты видѣлъ въ десницѣ Моей, и семи золотыхъ свѣтильниковъ есть сія: семь звѣздъ суть Ангелы семи церквей; а семь свѣтильниковъ, которые ты видѣлъ, суть семь церквей. Ангелу Ефесской церкви напиши: „знаю дѣла твои, и трудъ твой, и терпѣніе твое... Но имѣю противъ тебя то, что ты оставилъ первую любовь твою. Итакъ, вспомни, откуда ты ниспалъ, и покайся, и твори прежнія дѣла; а если не такъ, скоро приду къ тебѣ и сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста его, если не покаешься“ (Апок. 1, 10—2, 5). И такому суду Божію подлежала даже старѣйшая Апостольская кафедра, Ефесъ, это „свѣтило Востока,“ какъ называли его языческіе писатели, и „первая Митрополія“, какъ онъ называлъ самъ себя.

Итакъ, поставить, переставить или отставить совсѣмъ свѣтильникъ Церкви—кафедре Епископа, это—есть непремѣнное дѣло или особой милости или особаго суда и гнѣва Господа—Верховнаго и Вѣчнаго Архіерея.—Посему и появленіе Тульской Церкви, какъ особаго общества христіанскаго, съ собственнымъ своимъ средоточіемъ и особымъ предстоятелемъ—Епископомъ, есть также дѣло таинственной благодати Божіей.

Но и благодать Божія дѣйствуетъ, конечно, не внѣ историческихъ условій и не безъ нѣкоторыхъ естественныхъ средствъ.—Не прежде возникла великая Греческая церковь въ Царь-Градѣ, какъ воздвигнуты были крѣпкія стѣны славной Византіи надъ Босфоромъ и Золотымъ Рогомъ; не прежде вполне благоустроилась и Мать церквей русскихъ, какъ твердо окрѣпла власть стольнаго Великаго Князя за золотыми воротами древняго Кіева; не прежде возсіяли златоглавыя соборы и возвысились архіерейскія кафедры Владиміра и Москвы, какъ утвердилась тамъ, на древнихъ финскихъ городищахъ, русская гражданственность и государственность.

Также, еще на зарѣ исторической жизни нашего отечества, Никоновская лѣтопись, подъ 1147 г., поминаетъ и Тулу,—какъ городъ, въ Государственномъ значеніи слова. Постепенно

потомъ Тула становится то каменною крѣпостью, наравнѣ съ Москвой и Смоленскомъ, то средоточіемъ военной охраны или мѣстопробываніемъ „Большого полка“ Московскихъ войскъ, то средоточіемъ рѣдкой въ древности, собственно—русской, металлической промышленности, то воеводствомъ, то Намѣстничествомъ или Губернаторствомъ и, наконецъ, какъ и слѣдовало ожидать,—мѣстомъ Архіерейской кафедры. Весьма примѣчательно то, какъ постепенно слагались условія этого обстоятельства. Еще при Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1682 году, когда еще не могло быть рѣчи ни о какой государственной административной централизаціи собственно Тульскаго края, патріархъ Іоакимъ предполагалъ, отдѣливъ Тулу отъ Коломны, учредить въ Тулѣ, а также въ Бѣлевѣ и Каширѣ, новыя архіерейскія кафедры, съ подчиненіемъ ихъ Московскому патріаршему престолу, но, за смертію Царя и стрѣлецкимъ бунтомъ, предложеніе это не состоялось. Затѣмъ, въ 1685 году, по свидѣтельству Писцовой Книги кн. Вяземскаго, здѣсь, въ кремлѣ, у Пятницкихъ воротъ, существовалъ уже архіерейскій домъ и дворъ для пріѣзда Коломенскихъ Архіереевъ. Въ 1755—1763 годахъ въ томъ же кремлѣ сами граждане Тулы созидаютъ великолѣпный Успенскій Соборъ, какъ бы въ предчувствіи, что онъ имѣетъ быть кафедральнымъ. Въ 1777 году въ Тулѣ учреждается Намѣстничество. Въ 1778-мъ году Императрица Екатерина выразила мысль относительно объединенія епархій съ намѣстничествами или губерніями. Но осуществлена эта мысль только указомъ Императора Павла I-го, отъ 31 Іюля 1799 года. Почему 16-го Октября того же 1799-го года была учреждена и Тульская Епархія. ²⁾ И это-то послѣднее обстоятельство, въ ряду другихъ, для Тулы было завершеніемъ всего ея историческаго прошлаго, а для края имѣло громадное значеніе, собственно въ духовномъ, слѣдовательно, въ высшемъ совершенствованіи его общественной жизни.

Спросятъ: что же могло быть для края оттого, если кафедра епископа изъ одного города, отдаленнаго, перенесена въ другой, ближайшій?—Тоже, скажемъ, что происходитъ, когда приближается источникъ свѣта и тепла—солнце: всѣмъ тогда дѣлается свѣтлѣе и теплѣе и—всѣмъ все виднѣе,—всякая сила развивается болѣе благопріятно и всякая дѣя-

---

²⁾ Объ открытіи Тульской Епархіи. Стр. 126—128. Въ Памятной книжкѣ Тул. губ. на 1871 годъ. Тула. 1870 г.

тельность раскрывается полнѣе и успѣшнѣе. Какъ въ природѣ, такъ это и въ общественной жизни: гдѣ проявляется больше разума, тамъ—лучшее образованіе, совершеннѣйшее благоправіе, живѣйшая сердечная благотворительность, твердое равновѣсіе правъ и обязанностей, скорѣйшее обличеніе незаконныхъ дѣяній и безпрепятственное преуспѣяніе добродѣтелей, короче—тамъ является совершеннѣйшая духовная жизнь. А Епископъ и есть носитель свѣта божественной истины и благодати отъ самого Солнца Правды, Христа Бога.

Дѣйствительное значеніе событія перенесенія епископской кафедры въ Тулу опредѣлялось и уяснялось постепенно, исторически было понято правильно и уже въ 1862—65 годахъ выразилось литературно, именно такъ: „Перенесеніе епископской кафедры изъ Коломны въ Тулу было дѣломъ во многихъ отношеніяхъ важнымъ и благодѣтельнымъ для Тульской губерніи. Не говоря уже о томъ, что съ учрежденіемъ епископской кафедры въ Тулѣ и вмѣстѣ съ открытіемъ здѣсь Семинаріи и Консисторіи, для духовенства нашей епархіи прекращалось большое стѣсненіе въ сношеніяхъ съ Архіереемъ и Консисторіею, равно какъ и въ обученіи дѣтей его въ Семинаріи, по отдаленности Коломны отъ большей части нашей губерніи,—пребываніе Архипастыря въ губернскомъ городѣ, довольно значительномъ и по числу жителей, и по сравнительной образованности ихъ, городѣ центральномъ для всѣхъ почти уѣздовъ Тульской губерніи, должно было имѣть весьма благодѣтельныя послѣдствія и въ административномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Ближайшій надзоръ за духовенствомъ и непосредственное вліяніе на общество Архипастыря, котораго власть и авторитетъ были всегда высоко чтимы въ православномъ народѣ нашемъ, не могли остаться безплодными для страны нашей“³⁾.—Такой взглядъ вѣренъ и свидѣтельствуется какъ исторіей епархіальнаго управленія, такъ и исторіей епархіальной жизни.

Первый предстоятель новой, Тульской церкви, по своему историческому значенію здѣсь, долженъ былъ стать и дѣйствительно сталъ первымъ образцомъ духовнаго совершенствованія. Это былъ епископъ, потомъ архіепископъ, Меѳодій (Смирновъ) — соименный первому Апостолу Славянъ. Соединяя въ своемъ лицѣ глубокое, разностороннее и обширное обра-

---

³⁾ Преосвященные Епископы Тульскіе. Памятная книжка для Тульской паствы. Тула. 1865 г. Н. Д. (Николай Дружинина). Стр. 4—5.

зованіе, Владыка Меодій сталъ въ здѣшнемъ обществѣ и духовенствѣ рѣшительно выше всѣхъ и разумомъ, и характеромъ.—Трудолюбіе вообще, хозяйственность, способность организаторская, твердая власть, любовь къ школѣ и прекрасное возвышенное ораторское слово въ храмѣ, все это, безспорно, воздѣйствовало такъ или иначе на всякаго, кто въ какомъ либо отношеніи приходилъ въ соприкосновеніе съ Преосвященнымъ. И всякій теперь уже не издалека слышалъ и не чрезъ указное предписаніе только зналъ объ архіерейскомъ санѣ, словѣ и волѣ, а самъ близко и непосредственно видѣлъ Архипастыря, именно какъ духовную власть, нравственную силу, полно открывающуюся предъ нимъ въ его словѣ, дѣлѣ и дѣланіи во свѣтѣ вѣры Христовой.—А Владыка Меодій, внимательный къ себѣ прежде всѣхъ, всѣмъ доступный и открытый, строгій къ скрытнымъ дѣяніямъ порочныхъ, осторожный во всемъ, даже въ дѣлахъ благотворительности, все созидалъ на архіерейской совѣсти, на заповѣдяхъ Христа Спасителя и на благоразуміи опыта.

Особенности мысли, образа жизни и требованій власти Преосвященнаго Меодія, безъ сомнѣнія, виѣдряясь въ мысль и жизнь епархіальную, неизбѣжно встрѣчали въ ней многія препятствія, даже рѣшительныя затрудненія. Однакоже, чувствуя близость къ себѣ Архіерейской власти, всякій соображалъ, чѣмъ онъ долженъ быть, чтобы таковымъ и стать предъ взоромъ своего Владыки. И какъ самъ Преосвященный, при устроеніи новой епархіи, долженъ былъ предпринимать цѣлый рядъ важныхъ мѣропріятій, и при этомъ, волею или неволею, дѣйствовать рѣшительно; такъ и всѣ другіе должны были ему непременно содѣйствовать и также добровольно или неволью.

Несомнѣнно, только искренняя преданность своему святительскому долгу, хорошо понятая его современниками, дала пр. Меодію возможность совершить столь многое,—и одному, и въ столь короткое время.—Устройство собственно архіерейскаго дома и при немъ Крестовой церкви, приготовленіе утвари и ризницы для архіерейскаго служенія, пріобрѣтеніе зданій для Консисторіи и Семинаріи, составъ двухъ корпорацій, управляющей и учащей, пріобрѣтеніе лѣтней дачи, все это предпринято почти безъ всякихъ предварительныхъ средствъ отъ казны, а лишь на сборъ пожертвованій и даже прямо при посредствѣ Архипастырскаго „воззванія о помощи“, все это, однако, устроилось, всѣ трудности препобѣждены при наход-

чивости и распорядительности, при усердіи и разумной расчетливости Архипастыря.

Таже сила ума и эвергіи сказалась и въ дѣлахъ правленія. Усиленное ускореніе дѣлопроизводства въ Консистеріи и уѣздныхъ духовныхъ правленіяхъ, строгость наблюденія за поведеніемъ клира чрезъ благочинныхъ, развитіе проповѣдничества чрезъ обязательную катихизацію (со строгою отвѣтственностію — штрафомъ), строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ обрядовъ, охрана правъ отъ неумѣстнаго вмѣшательства вліятельныхъ лицъ и уничтоженія такъ называемыхъ „заручныхъ одобреній“, вотъ характерныя стороны и черты собственно епархіальной дѣятельности Преосвященнаго Меодія.

И вся эта дѣятельность запечатлѣвалась высокими свойствами личнаго характера этого Владыки. Соединеніе сильнаго ума съ твердой волей, прямою и законностию съ разсудительностію и снисхожденіемъ, хозяйственности и простоты быта съ заботливостію обо всѣхъ и обо всемъ, принятіе всяческихъ ходатайствъ и въ то же время рѣшительное и ревнивое противленіе всякой челоуѣкоугодливости, этому „готовству души“, какъ выражался Преосвященный, удаленіе себя отъ знакомства съ людьми свѣтскими, постоянное занятіе дѣломъ, отдыхъ только за чтеніемъ книгъ своей обширной и весьма цѣнной бібліотеки, таковы черты характера Преосвященнаго Меодія! ⁴⁾

Естественно, что образъ мыслей этого ученѣйшаго Архипастыря сталъ краеугольнымъ камнемъ, а характеръ и направленіе его разносторонней дѣятельности послужили какъ бы программой дѣятельности для всѣхъ его преемниковъ, почти на все столѣтіе существованія епархіи, такъ мудро и твердо имъ основанной. Почти всѣ послѣдующіе архипастыри лишь только по частямъ дополняли или раскрывали начатое Меодіемъ и немногіе сдѣлали немного особеннаго, выдающагося — или въ дѣлѣ проповѣдничества, какъ преосвященный Амвросій, оставившій свои классическія проповѣди, извѣстныя всей образованной Россіи, или — въ дѣлахъ благотворительности, какъ Дамаскинъ, устроившій учебно-воспитательный Пріютъ для сиротъ духовенства, — пріютъ, изъ коего выросло женское Епархіальное училище, или — въ народномъ назиданіи, какъ Дмитрій, воспитавшій къ себѣ сыновнюю преданность духовенства и народа, или въ сооруженіи и украшеніи хра-

---

⁴⁾ Начертаніе жизни и дѣяній Высокопреосвященнѣйшаго Меодія, Архіепископа Исковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго, съ приложеніемъ портрета и нѣкоторыхъ поучительныхъ словъ. Москва. 1823. Стр. 1—87+1—103.

мовъ и обителей, какъ Алексій, украсившій Тулу сооруженіемъ Богоявленскаго Собора въ кремлѣ и положившій начало Богородичному монастырю въ Щегловѣ и пр. ⁵⁾).

Весь же сонмъ Архипастырей Тульскихъ, вѣрный началамъ своего первоначальника, дѣятельно воспитывалъ и всячески усовершенствовалъ, чрезъ училища и Семинарію, прежде всего духовенство, эту силу, единственно мощную и незыблемо устойчивую въ дѣлѣ воспитанія народа, и какъ русскаго, и какъ православнаго.

Исторія Тульской епархіи, въ недалекомъ будущемъ, первоначально въ отдѣльныхъ очеркахъ, а потомъ цѣльно и подробно расскажетъ и документально засвидѣтельствуетъ дѣянія Тульскихъ Архипастырей и — то, какое огромное вліяніе они имѣли на развитіе жизни и духовное преуспѣяніе края, главнымъ образомъ, чрезъ воспитанное ими духовенство: ибо духъ епископовъ всегда почивалъ на пресвитерахъ. Исторія расскажетъ и о самомъ епархіальномъ духовенствѣ, какъ оно изъ рабски-приниженнаго, крайне — малограмотнаго, почти — безправнаго и чуждаго общественныхъ и государственныхъ интересовъ, постепенно становилось самостоятельнымъ, такъ — сказать, самогласнымъ, достигало образованія до уровня всякой средней школы имперіи, пріобрѣтало права и по службѣ, и по образованію, и стало необходимымъ и преданнѣйшимъ дѣятелемъ школьнаго народнаго образованія, съ чѣмъ соединены всѣ жизненные интересы государства.

Назидаемое словомъ и примѣромъ и руководимое властью и опытомъ своихъ Архипастырей, духовенство совершенствовалось дѣйствительно и постепенно, хотя и не быстро, какъ это, впрочемъ, и вездѣ: его вѣковой бытъ, ранѣе сложившійся при роковыхъ государственныхъ обстоятельствахъ, со временемъ окрѣпъ до того, что на первыхъ порахъ едва былъ доступенъ даже и для поверхностныхъ реформъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (напр. относительно средствъ содержанія) онъ не доступенъ реформѣ и теперь. Въ прежнее время, черный земледѣльческій трудъ духовенство считало для себя безусловно непремѣннымъ, передачу своего мѣста сыну или дочери дѣломъ житейской логики и благомъ вѣрнаго обезпеченія; ученіе дочерей грамотѣ признавало излишнимъ и даже зазорнымъ, „не сѣчь дѣтей“, по тогдашнему значило

---

⁵⁾ Преосвященные Епископы Тульскіе. Памятная книжка для Тульской паствы. Тула. 1865.

„добра отъ нихъ не видать“; а вовсе ихъ не учить въ Семинаріи, и то не бѣда,— „не всѣмъ де попами быть“, и т. д. При такихъ взглядахъ на жизнь и при такихъ только запросахъ къ ней, естественно, духовенство и въ дѣйствительности глубоко принижалось: пастырь духовный легко становился простымъ пахаремъ, служитель алтаря—батракомъ. Жизнь духовенства въ то время, строго говоря, представляла только двѣ стороны—богослуженіе съ требоисправленіемъ и хозяйство съ воспитаніемъ семьи. Этимъ исчерпывались всѣ ея интересы. Внушить другіе взгляды на свое служеніе, возбудить интересы къ общественной дѣятельности, въ отношеніи и къ своему же духовному сословію, и къ народу, это было весьма желательнымъ для здѣшнихъ архипастырей, но не могло быть подвигомъ одного—двухъ изъ нихъ, а въ полной мѣрѣ это не могло быть дѣломъ и всѣхъ вмѣстѣ. Потому-то духовенство долго сохраняло основныя черты своего сословнаго, кастоваго быта, до знаменитыхъ реформъ Императора Александра II-го.

Поучительна та давняя жизнь сельскаго духовенства, съ ея бытовой стороны, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она была, и съ своей положительной, и съ отрицательной стороны, по сравненію ея со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она стала потомъ и теперь.

Тогда храмовое богослуженіе и требоисправленіе составляли и трудъ, и радость духовенства, и рѣзко опредѣляли характеръ всего его быта до мельчайшихъ подробностей, строгая церковность отпечатлѣвалась въ немъ на всемъ, и все ее поддерживало и воспитывало: и рѣчь, испещренная церковно-славянскимъ словаремъ, и развлеченіе, состоявшее въ пѣніи церковныхъ пѣсней, особенно псалмовъ и только при наибольшемъ благодушіи, праздничномъ—пѣніи духовныхъ стиховъ „Объ Іосифѣ Прекрасномъ“ и т. п.—и эти споры на праздничной бесѣдѣ о томъ, сколько и когда полагается пѣть „стихирь на Господи возвахъ“ и пр. и пр. Удивительная преданность своему долгу, терпѣніе, кажется, безпредѣльное терпѣніе въ своихъ нуждахъ и отличали, и дѣлали столь почтеннымъ духовенство стараго времени. А это отправленіе богослуженія съ 4-хъ часовъ утра, и въ морозы всегда въ холодныхъ сельскихъ храмахъ, когда и въ овчинной муфтѣ коченѣли руки, постоянные разѣзды по требамъ во вьюгу и гололедицу, путешествіе съ дѣтьми въ школу по тогдашнимъ дорогамъ и пр. и пр.? А это строжайшее подчиненіе церковнымъ уставамъ, доходившее чуть не до странности? Вѣдь въ былое время считалось грѣхомъ не только ѣсть молоко въ пятницу, но

и — брать махотку съ молокомъ, хотя бы только для того, чтобы переставить ее съ мѣста на мѣсто. Вѣдь прежде считалось совершенно не приличнымъ въ великій постъ идти въ церковь въ крѣпкой одеждѣ, посему иногда на цѣльное платье нашивались заплата или на крѣпкомъ рукавѣ распарывались швы. — „Помни язвы Господа!“ говорили старики духовные.

А такой строго-церковный взглядъ имѣлъ то значеніе, что весьма умѣрялъ требованія и пожеланія церковнаго человѣка, не давалъ ему выбиваться изъ колеи приходскаго пастыря, оберегалъ его мысль о высшемъ назначеніи его, и пастырь видѣлъ свое значеніе и назначеніе только въ храмѣ и въ приходѣ, съ сознаниемъ, что безъ своего „служебника“ и „требника“ онъ ничто. Такой взглядъ и такое настроеніе духовенства не только не измѣнялись вліяніемъ прежнихъ епископовъ, но даже, напротивъ, ревниво поддерживались, а иной разъ очень энергично защищались, особенно Преосвященнымъ Дамаскинымъ.

Простому, умѣренному, даже нѣсколько низменному и притомъ наслѣдственному взгляду на жизнь соответствовала и бытовая обстановка духовенства, совершенно простая, а при бѣдности доходившая до грубости. Тогдашній сельскій священникъ — хозяинъ деревянной, большею частію только курной, избы, обыкновенно одѣвался въ кафтанъ — подрясникъ изъ домашней ткани: и вовсе не рѣдкостью было видѣть его въ лаптяхъ съ завойками (анучами), а сапоги надѣвались только въ храмъ и въ гости. Матушка являлась также въ затрапезномъ сарафанѣ — разстегаѣ, въ платочкѣ съ узелками на лбу, въ толстыхъ котахъ съ напускными чулками и лишь по праздникамъ въ душегрейкѣ и кокошникѣ или вязаномъ волпачкѣ съ кисточкой. Въ страдную рабочую пору батюшка идетъ на свое поле съ крюкомъ — косою на плечѣ и съ деревяннымъ ведромъ синяго квасу въ рукѣ; а матушка его сопровождаетъ съ серпомъ на одномъ плечѣ да съ ребенкомъ въ люлькѣ на другомъ. А дома этихъ труженниковъ ожидала весьма незатѣйливая трапеза. Тогда еще не вошелъ въ употребленіе даже картофель, къ нему, какъ новинкѣ, относились и духовные съ предразсудкомъ: это — де „земляное яблоко, нечистое, нѣмецкое! — Не было въ употребленіи и чаю. За то особенно любили „овсяное толокно“, приготавливавшееся совершенно архаическимъ способомъ. И эта скудная трапеза послѣ полевыхъ трудовъ принималась уже ночью, при свѣтѣ зажженной лучины, а ночникъ съ конопляннымъ масломъ бывалъ не у всякаго; свѣчей сальныхъ почти не знали. И ни-

чего себѣ,—жили и трудились, и сами справлялись со своей полевой работой. А если и земли была двойная пропорція и урожаи выше средняго, такъ съ просьбой къ помѣщику — за помощью: являлась барщина, и въ день—два все у батюшки убрано. И было довольно средствъ и довольство жизнью: жила и коренилась семья во много поколѣній и не срывалась со своего корня сто и двѣсти и болѣе лѣтъ!—Оставались средства,—продавались: а много оставалось, такъ даже отправлялись въ Москву съ обозомъ, „по Михайловской дорогѣ на Каширу“. Копились средства—хранились „про лучшіе дни“ или „на черный день“, и хранились не въ банкѣ, а прятались въ глиняной кубышкѣ въ землю на собственной усадьбѣ. Выходила поповна замужъ, такъ несла съ собой пятнадцать—двадцать холстовъ, собственноручно тканыхъ и бѣленыхъ. Наступалъ престольный праздникъ—варилось свое пиво въ дѣдовомъ котлѣ для гостей непременно на недѣлю...—Нужно было везти дѣтей въ школу, снаряжался цѣлый возъ всего своего—домашняго; тутъ: своя мука и своя крупа, перѣдко изготовленная на домашнихъ жерновахъ, — свои лопатки, свои ложки и—увы! свои лозы... да, снаряжался цѣлый возъ и на немъ непременно полагалось подюжины березовыхъ лозъ, чтобы „не покупать ихъ въ Веневѣ на базарѣ“. То были времена, то были нравы!—

И въ школѣ была тоже своеобразная простота. Дѣти—ученики, являясь въ школу, должны были явиться не только къ начальству, но и къ наставникамъ; а „являться“ значило давать 20 коп. смотрителю, 15 коп. инспектору и по 10 к. учителямъ; это обязательно давалъ и сирота, а имѣвшій болѣе—давалъ больше. Тѣмъ не менѣе, не смотря на такое задриваніе, классъ иной разъ превращался просто въ эшафотъ,—и здѣсь слышались вопли, и тамъ—стоны. Но то было время,—то были нравы!—Вѣдь тогда почти всѣхъ сѣкли, почти вездѣ сѣкли: и на городскихъ площадяхъ, и въ военномъ лагерѣ, и на барской конюшнѣ, и въ духовной школѣ—будущихъ духовныхъ пастырей народа. И это ужасное ученье, съ его бичеваніемъ, хорошо отразилось въ школьной поэзіи того времени. Бывало горемычный ученикъ забьется въ уголъ мѣщанской бани и напѣваетъ про себя:

„Ой, горе! ой, бѣда!—

Сѣкутъ насъ завсегда.

—Линейками по рукамъ

И лозами по бокамъ.

Ой, горе! ой, бѣда!—

Сѣкутъ насъ завсегда“...

Какъ ни тяжело было ученье въ такой школѣ, но духовенство, по своему сословному положенію въ государствѣ, неизбежно должно было мириться и съ этой школой: „Хочешь жить хорошо—учись, терпи и молись; не хочешь учиться, такъ „нянчай Андревну“ (—соху):“ —И всякій зналъ, что „нянчить Андревну“, значитъ оставаться мужикомъ—пахаремъ навсегда.

Что же давала прежняя школа?—Судя по полнотѣ программъ, школа обѣщала многое; но преподаваніе далеко не отвѣчало программамъ—ни въ полнотѣ объема, ни въ качествѣ разумнѣя предмета по существу.—Прежде всего, въ училищѣ давалось элементарное знаніе; оно не твердо усвоилось, но преимущественно памятью. Въ Семинаріи первѣе всего предстояло знакомство съ „системой“. Такъ называлась очень толстая тетрадь, переходившая чрезъ сотни рукъ къ разнымъ владѣльцамъ и представлявшая сборникъ записокъ, это—*summa summagum* краткихъ свѣдѣній по разнымъ предметамъ. Здѣсь встрѣчались вмѣстѣ предметы самые разнородные. Прежде всѣхъ—„Всеобщая исторія“, гдѣ отъ построенія Египетскихъ пирамидъ, чрезъ Мильтіада и Цезаря, прямо переходили къ Александру Македонскому и Карлу Великому. Рядомъ съ исторіей помѣщался „Типиконъ, сирѣчь Уставъ“ и „Утварь церковная“. За ними—записки по Теоріи Словесности, потомъ—выписки изъ Логики Бахмана, въ дополненіе къ „Логикѣ“ здѣшняго автора, прот. І. М. Смирнова. Затѣмъ—и отдѣлъ Физики—гидростатика, почему-то только гидростатика. Математика совершенно игнорировалась... А за „системой“ стояли: Философія, Священное Писаніе и обширѣйшій курсъ Богословія; то и другое преподавалось съ достоинствомъ и съ весьма значительнымъ успѣхомъ; изученіе этихъ наукъ соединялось съ отличнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, особенно латинскаго: знаніе латыни было положительно артистическимъ. (*) На этихъ-то предметахъ почивали и усердіе, и гордость воспитанниковъ Семинаріи. Лучшее же, что давала прежняя школа, это—навыкъ разносторонне разсуждать и владѣть перомъ, что достигалось при многочисленныхъ упражненіяхъ въ сочинительствѣ по всякимъ предметамъ.

---

*) Тогда можно было видѣть, какъ бывало какой либо старецъ священникъ случайно завернувшій на семинарскую квартиру съ базара, совершенно свободно и совершенно точно наизусть диктовалъ слова и фразы ученикамъ—землякамъ для перевода съ русскаго на латинскій: понятно, почему тогда не затруднялись преподавать и изучать цѣлыя науки на латинскомъ языкѣ.

При относительной грубости школьнаго обращенія и сравнительной скудости образованія, однако, получалось не мало хорошаго въ дѣлѣ воспитанія и въ старой школѣ. Это было бы не вѣроятно, если бы не было на то столь громкаго свидѣтельства такого представителя старой школы, какъ знаменитѣйшій іерархъ Россіи М. Филаретъ Московскій. Еще 1-го Ноября 1844 года, обращаясь къ воспитанникамъ семинаріи, Святитель говорилъ: „Дѣти! спросите родителей, или отцевъ ихъ: съ такою ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были они призрѣваемы, когда полувѣкомъ ранѣе, проходили поприще, вами теперь проходимое? Изъ неблагоустроенныхъ жилищъ не рѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только въ поученіи нашемъ разгорался огнь (Пс. 34, 4), когда въ согрѣвающимъ или освѣщающимъ огнѣ нуждалась учебная храмина. Воспоминаю сіе, говоритъ Филаретъ, не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имѣетъ свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія, но чтобы отдать справедливость настоящему“.—⁶⁾ Такъ вѣрно свидѣтельствуется вѣрнѣйшій Архипастырь и Отецъ православнаго просвѣщенія о своей школѣ, въ которой воспитался онъ самъ. А это была Коломенская Семинарія, въ которой съ Филаретомъ учились отцы многихъ отцовъ нашего духовенства.— Можетъ быть, неумѣлымъ методомъ и скорѣе отрицательно, однако, несомнѣнно въ старой школѣ воспитывалось и строгое подчиненіе порядку, и твердость воли, и самоограниченіе, т. е., тѣ свойства крѣпкаго характера, которыя не знали ни переутомленія, ни страха предъ трудомъ, ни смущенія при лишеніяхъ, ни желанія будто-бы необходимыхъ въ школѣ игривыхъ развлеченій. Эти строгость и скудость при воспитаніи въ прежней школѣ какъ удивительно проявлялись иногда въ жизни и вѣнчали труды школы! Вотъ вы видите предъ собой двухъ сверстниковъ—школьниковъ: босоногіе, они спѣшатъ домой на каникулы; забѣгаютъ на отдыхъ въ крестьянскую хату; покупаютъ обѣдъ—„на грошикъ щей, на копѣйку каши“ и бѣгутъ далѣе. Кто они? кто эти богатыри—мальчики?—Впоследствии, это—протопресвитеръ В. Б. Бажановъ и С. Петербургскій Митрополитъ Исидоръ!—Значитъ, и въ

---

⁶⁾ Слово по освященіи храма св. Николая въ домѣ Московской Дух. Семинаріи, Ноября 1 дня 1844 года. Слова и Рѣчи Филарета Митрополита Московскаго. Изд. 2-е Ч. 2-я. Москва. 1848 г. Отд. V. 28. Слово. Стр. 94.

старой школѣ ни свистъ лозь, ни нужда босоногая не заглушали любви къ дѣлу, ни сама эта удивительная, сотнями пальцевъ захватанная „система“ не пригнетала къ сохѣ благороднаго порыва къ научному обширному образованію. И тогда выходили самоотверженные ревнители знанія; и не ими ли замѣщались каѳедры не только семинарій, но и академическія, и университетскія, и епископскія, и митрополитскія?—Да будутъ же приснопамятны имена такихъ воспитанниковъ нашихъ, какъ проф. Мих. Рудневъ, коему поставила монументъ въ своихъ стѣнахъ Медицинская Академія,—Иванъ Сахаровъ, собравшій „Сказанія Русскаго народа“ и описавшій памятники православной иконографіи и первой славяно-русской печати,—проф. протоіерей Дим. Разумовскій, съ безпримѣрнымъ трудомъ возстановившій характеръ православно русскаго пѣнія по весьма мудренымъ первоисточникамъ его, и многіе—многіе другіе воспитанники наши, достославные въ отечествѣ, незабвенные для Тульской Семинаріи и Епархіи! Ими и теперь замѣщаются то профессорская каѳедра въ Университетѣ и Академіи, то каѳедра епископа и митрополита.

Но да будетъ честь и слава не выдающимся только свѣтиламъ науки, восшедшимъ надъ тульскимъ горизонтомъ. И всѣ воспитанники Семинаріи на поприщѣ своего пастырскаго служенія скромно, но постоянно трудились надъ образованіемъ народа въ духѣ истины Христовой.—Какъ вездѣ на Руси, такъ и въ предѣлахъ Тульскаго края, отдаленныя времена язычества оставили о себѣ память: слѣды язычества доселѣ усматриваются во многихъ суевѣріяхъ. На той же почвѣ слѣпаго довѣрія народа сѣются и прививаются разнообразныя сектантскія мнѣнія съ большимъ или меньшимъ уснѣхомъ. Прямой долгъ духовенства очищать ниву Божію отъ всякихъ такихъ плевель. Честь и слава епархіальному духовенству, что оно и словомъ, и примѣромъ жизни рѣшительно препятствовало укорененію и содѣйствовало искорененію злыхъ насажденій, что хитро насаждаетъ „врагъ — человекъ“. Остатки язычества, еще такъ недавно бывшіе здѣсь явленіями культа (деревьевъ, камней и пр.), теперь обратились прямо и только въ народныя игры—забавы, не болѣе. Ярые ревнители раскола, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ бѣжали на Донъ и заполняли здѣсь казачьи слободы; однако же въ казачьихъ слободахъ южныхъ уѣздовъ—Новосильскаго, Ефремовскаго и Епифанскаго нѣтъ и слѣдовъ раскола—старообрядчества. Населеніе г. Бѣлева постоянно въ отходѣ на промыслахъ перѣдко под-

вергалось воздѣйствию проповѣди сектантовъ и даже злѣйшихъ, — въ концѣ XVII-го столѣтія здѣсь появились самосожигатели ⁷⁾, позже — масоны, скопцы, хлысты и пр. Однако теперь оно чуждо этихъ заблужденій: исчезаетъ въ немъ и старообрядчество. Въ прошломъ столѣтіи, въ 1778-мъ году, въ Бѣлевѣ считалось раскольниковъ 58 чел. муж. пола и 81 женск., ⁸⁾ — официально, въ дѣйствительности было много больше. Въ противодѣйствіе расколу здѣсь былъ открытъ единовѣрческій приходъ и храмъ въ началѣ настоящаго столѣтія, въ 1818 году, и одинъ изъ первыхъ въ Россіи. И теперь есть раскольники въ Бѣлевѣ, но лучше сказать: „они были...“ ⁹⁾ Если же наша епархія, какъ и другія, еще не чужда сектантства совсѣмъ, то потому, что до послѣдняго времени духовенство не имѣло въ своихъ рукахъ самаго лучшаго орудія — хорошо слаженной строго — церковной школы для народа, какъ мужской, такъ тѣмъ болѣе женской. А это не по винѣ духовенства.

Въ состояніи крѣпостной зависимости народа, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, потребность въ грамотности сказывалась въ немъ мало и вяло — грамотность ему какъ будто была не нужна. Спросить, бывало, баринъ своего старосту: „Лазутка, сколько конень на лугу и сколько въ полѣ“? Лазарь вынимаетъ изъ-подмышки пукъ палокъ и по собственнымъ помѣтамъ съ точностью докладываетъ — столько-то здѣсь, столько-то тамъ. Эти прутья „бирки“ составляли всю математику Лазаря, которая вся цѣликомъ и помѣщалась у него не въ головѣ, а подмышкой. Не рѣдко и самъ баринъ зналъ считать только на щетахъ. А иной разъ даже и членъ причта нанималъ за себя подписывать какихъ-либо четыре слова роковой необходимости, да и тѣ подписывались не безъ ошибки, въ родѣ: „тояшь церкви дичекъ Крапъ“ (т. е. Карцъ). Тѣмъ не менѣе, и въ это время отчаяннаго малограмотства духовенство дѣлало, что могло. Когда, въ 1858-мъ году потребовались отвѣты на запросы Епархіальнаго Статистическаго Комитета —

---

⁷⁾ Оразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія 1691 года. Сообщеніе Хрисанеа Лопарева. П. Д. П. 1895 г. Стр. 23 и 52.

⁸⁾ Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой географіи о Россійской Имперіи трудами Филиппа Генриха Дилгея, обѣихъ правъ доктора и профессора. Часть первая. О Тульскомъ Намѣстничествѣ. Перев. Ив. Бор. фонъ-Нестель. Сиб. 1781 года. Стр. 89-я. Иначе: Топографія Тульскаго Намѣстничества.

⁹⁾ Въ 1897-мъ году было: Австрійскаго толка 17 м. 45 ж., Поморскаго 7 м. 12 ж., Нѣтовцевъ 2 ж., а всего 24 м. 59 ж.

гдѣ и сколько въ приходѣ грамотныхъ; то оказалось, что въ очень многихъ приходахъ грамотные были и—въ чести духовенства сказать—грамотѣ учились большею частію у него же или у тѣхъ, кто ранѣе у него учился: учились гдѣ пришлось—въ свѣтелкѣ, на кухнѣ, въ пустой банѣ, въ церковной сторожкѣ и т. п. ¹⁰⁾. Тогда не дивно было встрѣтить такую картину: за столомъ дьячковской избы помѣщаются пять—шесть лохматыхъ мальчишекъ, съ азбуками подъ носомъ, съ длинными указками изъ лучины въ пальцахъ, и читаютъ „по складамъ“ или „по толкамъ“. А тамъ, на палатахъ, возлежитъ ихъ наставникъ; опершись на оба локтя, покручивая сѣдую бороду, онъ съ важнымъ тономъ и съ протяжнымъ удареніемъ, внушительно исправляетъ чтеніе учениковъ: „Буки—арцы—азра=бра! вѣди—арцы—азра=вра! глаголь—арцы—азра=гра!“ и проч. Или повторяютъ „зады“—„слози именъ по азбуцѣ подъ тѣтлами“: „Азь—Ангель, Архангель“... „Буки—блаженъ, благословенъ“.... и пр. Такъ дѣло велось, совсѣмъ по своему, а вѣдь цѣль достигалась—таки: дѣти за зиму одолѣвали Кириллицу и переходили къ Псалтири; это уже высшій курсъ и послѣдній: Псалтирь не только читалась „по толкамъ“, но и затверживалась наизусть. Оставалось еще *rium desiderium*—Часословъ и Апостоль, но это уже для взрослыхъ и для желающихъ. Старались научить больше и чтенію, и письму только дѣтей самогó духовенства, направляющихся въ школу.

Великія преобразованія Государя Императора Александра II-го измѣнили весь общественный бытъ и взаимныя отношенія сословій,—привели въ соприкосновеніе, и отчасти даже въ столкновеніе всѣхъ со всѣми,—заставили „оглянуться на себя“ и „взяться за себя“, чтобы жить самостоятельно или—быть самостоятельнымъ, чтобы жить. Естественно, что духовенство, какъ сословіе ближайшее къ народу, стало еще ближе къ его духовнымъ интересамъ, оно стало не только носителемъ, но и истолкователемъ ему идеаловъ вѣры, народности и государственной идеи. Духовенство, ограждая свободу народа отъ увлеченія своеволіемъ до разнузданности, главнымъ образомъ, должно было сдерживать народъ въ послушаніи Церкви, въ преданности Государю Православному и Самодержавному. Могучее средство его—ученіе въ храмѣ

¹⁰⁾ „Отвѣты“ хранятся въ „Г. Е. Палатѣ Древностей“.

и учительство въ школѣ. Но если народъ переживалъ еще первую радость свободы и нѣкоторую самостоятельность самоуправленія; то и духовенство испытало нѣкоторое особенное удовольствіе при сознаніи теперь большаго значенія своего въ руководствѣ народа. Оно было въ искушеніи—стать духовнымъ бариномъ надъ народомъ. Отсюда—стремленіе къ перемѣнѣ своего быта на помѣщичій ладъ.

Какая оттого проистекала масса заботъ о переустройствѣ быта духовенства, урегулированіи его правъ и отношеній къ другимъ сословіямъ,—то при сокращеніи штатовъ и закрытіи приходовъ, то—при возстановленіи оныхъ!—И вся эта тяжесть безчисленныхъ заботъ обрушилась на рамена Преосвященнаго Никандра. И поистинѣ тяжель былъ омофоръ этого Архипастыря!

Прежде всего, для духовнаго юношества широко открылись двери Университетовъ, Институтовъ, Медицинской и Лѣсной Академій и Лицеевъ: и духовные юноши, ища спеціальнаго высшаго образованія, поступали всюду и во множествѣ. Духовенство тогда дало обществу весьма многихъ образованныхъ дѣятелей. Но, поддаваясь благороднѣйшимъ влеченіямъ, они не избѣгли бѣдственныхъ искушеній. Они ринулись на распутія свободы столичныхъ и другихъ большихъ городовъ,—въ объятія чужой и дотолѣ чуждой имъ роскоши театровъ и ресторановъ,—въ тину бульварныхъ недуговъ; а оттолѣ попадали и въ золотыя роты и въ тюрьмы и даже легко, какъ *animae viles*, вербовались нанятыми дѣятелями заграничной пропаганды. За юношами—братьями послѣдовали и дѣвицы сестры—и на медицинскіе курсы, и въ акушерскія школы, и въ консерваторіи и пр., руководимыя мечтой попасть если не въ доктора, то въ акушерки, если не сюда, то на театральныя подмостки. Хотя и здѣсь достигалось многое хорошее; но и съ ними не все обстояло благополучно: эстетика брала верхъ надъ житейскимъ благоразуміемъ, салонная чопорность и артистическое самолюбіе сбивали ихъ съ толку; и эти пѣвчія птички являлись подъ кровъ родителей что называется „ни павой, ни вороной“, да еще съ налетомъ иностранной или прямо странной моды (—стриженіе косъ, куреніе папиросъ, и т. п.), что прежде въ духовенствѣ всегда почиталось весьма зазорнымъ. Съ прискорбіемъ видѣлъ и предвидѣлъ такія дорогія жертвы такихъ несчастныхъ увлеченій Архипастырь Тульскій, глубоко скорбѣлъ и при случаѣ рѣшительно и съ негодованіемъ порицалъ неблагоразуміе родителей, увлекаю-

щихся мишурнымъ блескомъ „полу-свѣта“. Въ противовѣсъ увлеченіямъ, но удовлетворяя доброй наклонности къ образованію, Владыка позаботился усилить образованіе женское въ духовенствѣ и бывшій сиротскій Приютъ преобразовалъ въ Епархіальное средне-учебное заведеніе, съ обстановкой весьма облагороживающей. И какъ отечески радовался Владыка, когда на его глазахъ изъ какой-нибудь чумазой сельской дѣвочки воспитывалась взрослая облагороженная, умненькая и для своего быта довольно образованная (не скажу — болѣе) дѣвушка. — „Она несомнѣнно внесетъ свѣтъ и радость въ свою семью“, говорилъ Владыка. И онъ былъ правъ.

Еще серьезнѣе и еще глубже приходилось вникать въ дѣло образованія духовныхъ воспитанниковъ со введеніемъ новыхъ уставовъ духовныхъ училищъ и семинарій, изъ коихъ одинъ быстро замѣненъ или измѣненъ былъ другимъ въ непродолжительное время. Множество всякихъ осложненій по вопросамъ учебнымъ, воспитательнымъ, хозяйственнымъ приходилось серьезнѣе всѣхъ обдумывать тому, кто вершалъ и утверждалъ своимъ словомъ всяческія постановленія и опредѣленія совѣтовъ, собраній и правленій. Нужно было и скорѣе нужно было выработать иной типъ воспитанника семинаріи, болѣе свѣдущаго, болѣе благовоспитаннаго и внѣшне болѣе облагороженнаго, чтобы прежній бурсакъ сталъ предметомъ преданій старины глубокой—чтобы знаніе воспитанника дѣлалось его оборотнымъ капиталомъ въ примѣненіи къ церковно-общественному служенію и прежде всего въ устномъ учительствѣ.

Чтобы представить, какъ многосложны были заботы въ этомъ отношеніи Архипастыря, нужно припомнить, что для благоустройства прежде всего и главнымъ образомъ школьной жизни въ помощь архипастырямъ учреждены были епархіальные съѣзды. Учрежденія, безспорно, полезныя во многихъ отношеніяхъ, но не съ перваго разу. Вызывая сознаніе общихъ интересовъ, съѣзды сильно подняли самодѣятельность прежде всего мысли духовенства; она прежде всего отразилась въ живомъ литературномъ словѣ, на страницахъ мѣстнаго органа печати—въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. И бытъ духовенства, и народныя школы съ новыми методами обученія, и спиритизмъ, пашковцы, и старообрядчество,—все это и многое другое обсуждалось здѣсь съ большимъ усердіемъ, истиннымъ одушевленіемъ и съ пріемами серьезной критики. А при непосредственномъ обмѣнѣ мыслей на засѣданіяхъ съѣзда то выдѣлялись дарованія и опытность однихъ надъ другими, то,

такъ сказать, одинъ шлифовался отъ другаго. И если, при прежней разрозненности, всякъ думалъ, что за него долженъ заботиться кто-то другой, а потому самъ или не могъ, или не смѣлъ своего сужденія имѣть; то теперь всякъ понималъ, что и ему необходимо принять участіе въ обсужденіи общаго дѣла и ему очередь—не коффузно постоять за свои убѣжденія.

Было тутъ, конечно, не мало искушеній для духовенства,— не мало огорченій и для Архипастыря.— Въ роли члена съѣзда иной горячій темпераментъ наталкивался и на своеволие, на заносчивое критиканство не по своему праву (напр. обсуждая сторону вопроса экономическую, переходилъ на педагогическую), т. е. толкался въ парламентаризмъ съ явной эмансипаціей. Данная теперь нѣкоторая самостоятельность переходила въ либеральность до нелѣпости. И если бы вамъ въ то время пришлось встрѣтить гдѣ либо на платформѣ вокзала священника въ шляпѣ, сдвинутой на ухо, причемъ его благословляющая десница, отбросивъ за локоть широкій рукавъ рясы на шелковой подкладкѣ, воспламеняла недешевую сигару, то эта картина была бы новая и не изъ самыхъ рѣдкихъ. Подобное наблюденіе можетъ навести на мысль, что духовенство не чуждо и другихъ преступленій и даже тяжкихъ. Да, но что же изъ того?—Если мы, на примѣръ, въ „Духовной“ нѣкоего Панкрата Ченѣя, 1482 года читаемъ:

„се язъ, рабъ Божій Панъкратъ Ченѣй пишу сію грамоту душевную въ концѣ живота; а билъ мя Михайла Скобельцинъ большой, съ своими людьми... а билъ мя у своего села“, что свидѣтельствовавъ сидѣвшій „надъ головою“ умирающаго отецъ его духовный, Николаевскій попъ Иванъ изъ Тѣшилова, запечатавшій „Духовную“ своимъ „хрестцемъ“ (—тѣльнымъ крестомъ): ¹¹⁾ то развѣ это умаляетъ заслуги нашего доблестнаго дворянства?—Если Князь Юрій, послѣдній князь Смоленскій, въ 1408 году погребенный здѣсь въ Веневомъ Монастырѣ, убилъ кн. Вяземскаго и собственными руками изрубилъ въ куски его жену, идеальную цѣломудренную княгиню Юліанію ¹²⁾: развѣ этимъ умаляются славныя дѣянія нашихъ князей—витязей?—Нѣтъ, такія отдѣльныя злодѣнія говорятъ толь-

¹¹⁾ Акты Юридическіе. Изд. Археогр. Комиссіи. Спб. 1838 г. Стр. 441—442.

¹²⁾ Воскресенская лѣтопись. II. С. Р. Л. т. VIII. Продолженіе. Спб. 1859 г. Стр. 81. Книга Степенная. Ч. 1. Москва. 1775 г. Стр. 562—565. Ср. Достопамятности Венева Монастыря. (И. П. Сахарова). Москва. 1831. Стр. 3—7.

ко, что буря ломаетъ и кедры... Страсть сгубила и апостола!— Такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тускнѣлъ самый свѣтильникъ и духовенства, но никогда не угасало въ немъ пламя ни вѣры Христовой, ни любви Божіей!— И маститый Архипастырь Тульскій имѣлъ утѣшеніе видѣть, какъ на его же глазахъ возрасло и развилось новое духовенство, лучше отвѣчающее потребностямъ сего времени. Прежде, будучи духовнымъ пастырствомъ словеснаго стада, само оно было почти безсловесно: и плохо училось, и мало учило, и очень мало учительствовало; теперь оно въ средней своей школѣ имѣетъ курсъ наукъ далеко выше другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оно имѣетъ свои общественные интересы и глубоко занято ими,—имѣетъ особыя задачи своей новой дѣятельности, свое открытое печатное слово, новое государственное культурное значеніе, имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя средства, создало свои сословныя учрежденія (богадѣльни, эмеритальную кассу, свѣчной заводъ и пр.). Съ новымъ настроеніемъ и лучшимъ пониманіемъ своихъ обязанностей къ народу духовенство отъ своихъ нуждъ легко и естественно, а частію и по необходимости, перешло къ обсужденію и народныхъ нуждъ—по отдѣльнымъ приходамъ. А изъ этихъ нуждъ самая главная и самая близкая къ интересамъ пастырей и учителей Вѣры, это—просвѣщеніе народа посредствомъ грамоты: ее, какъ главную, прежде всего, и духовенству, какъ таковому, прежде всѣхъ и надлежало вѣдать повсѣчески. Духовенство, по существу своего призванія, не могло не сознавать своей обязанности учить народъ „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. И первая по времени, и первая по важности его обязанность—проповѣдь Слова Божія и обученіе родной грамотѣ, въ которой заключено Божіе Слово. Это—его право, его и ни чье больше. И вотъ, при всѣхъ выгодныхъ и невыгодныхъ условіяхъ труда, при удобствахъ и неудобствахъ служенія, всѣ, однако, и священнослужители, и церковно-служители, и сыновья ихъ, и дочери учили и учатъ народъ вѣчнымъ истинамъ Святой Вѣры.

И въ этомъ дѣлѣ, въ борьбѣ съ препятствіями при введеніи обученія въ народной школѣ съ скудными средствами, очень не мало было огорченій для маститаго Архипастыря; но, кажется, больше было радости: служители Вѣры и Церкви, такъ успѣшно подготовляли новыхъ чадъ свѣта истины Евангельской, столько и такихъ дѣтей, столь любезныхъ Господу! Не разъ Преосв. Никандръ съ глубокимъ раздумьемъ останавливалъ продолжительно свой взоръ на этихъ новыхъ

своихъ духовныхъ дѣтяхъ, и читающихъ, и поющихъ ему— во многихъ и многихъ храмахъ его епархіи, гдѣ прежде онъ не слыхивалъ ни единого такого святаго дѣтскаго звука. Не менѣе радовалось и духовенство, когда имѣло счастье представить своему Архипастырю столько и уже такихъ смысленныхъ въ книжномъ ученіи дѣтей, — эти „начатки“ своего труда на новой нивѣ своего дѣланія.

При всѣхъ своихъ трудахъ, Преосвященный находилъ и утѣшеніе, и опору въ молитвѣ и — знаетъ ли епархіа, какой это былъ истинный Богомолецъ, но сокровенный? Лишь случайно и случайному посѣтителю отворилась однажды дверь его келліи, и тогда разъ нужно было взглянуть на умиленную молитву старца — Архіерея, чтобы на вѣкъ сохранить его священный образъ въ картинѣ молитвеннаго уединенія!... Не потому ли теперь чаще всѣхъ епископскихъ именъ произносится его имя въ „заупокойныхъ“ поминаньяхъ? — Не посему ли именно во дни сего мужа строго келейной молитвы и, безъ сомнѣнія, къ его высокому утѣшенію, была восстановлена молитвенная память преподобнаго Макарія, Жабынскаго Чудотворца?

Но въ тѣ же мирные дни Архіепископа Никандра имѣло мѣсто особое, выдающееся явленіе въ жизни Тульской епархіи и оно производило въ душѣ этого Святителя особенно тяжелую, удручающую скорбь... Когда нашъ извѣстнѣйшій писатель извѣстныхъ романовъ, безъ надлежащаго запаса научныхъ знаній, побывалъ за границей и тамъ — то выслушалъ нѣсколько уроковъ по Библейской наукѣ на лекціяхъ Э. Ренана, въ College de France въ Парижѣ, то позаимствовалъ нѣсколько критическихъ сужденій у германскаго профессора Э. Рейса, то, какъ школьникъ, проштудировалъ въ вагонѣ (именно въ вагонѣ) книжку „Соціальные вопросы“ американца Генри Джоржа и, перемѣшавъ все это и кое-что другое чужое въ своемъ особенномъ умѣ, затѣмъ возвратился на родину; то оказалось, что онъ оставилъ добрыя убѣжденія (если, впрочемъ, они были) за рубежомъ родной земли, и явился домой съ чужимъ скептицизмомъ и съ социализмомъ, взятымъ на прокатъ. Сей-то мужъ, въ такой только мѣрѣ ученый, и повелъ свою литературную бесѣду на всякія темы, а лучше и прямо сказать — открылъ свой судъ надъ законами Божиими и человѣческими, надъ учрежденіями святой Церкви и великой Россіи. Бесѣда этого „судіи“ сначала была подпольною, потомъ стала открытою и откровенною до цинизма, обличивъ

тельною до наглости, — для враздныхъ занимательною, но какъ сплетня, для слабыхъ соблазнительною, какъ все нагое, для легковѣрныхъ увлекательною, для серьезныхъ глубоко кощунственною... Не могъ не скорбѣть Архіепископъ Тульскій скорбью отечества о погибшемъ дарованіи художника—писателя. Но что же онъ могъ дѣлать къ его спасенію? — Вооружаться наукой? — Но, вѣдь, у этого новоявленнаго мудреца не было не только своихъ новыхъ научныхъ теорій, но и никакой науки вообще, а есть хуленіе науки и порицаніе труда... Критиковать его соблазнительныя мысли въ бойкихъ фразахъ? Но, вѣдь, у этого мыслителя не было и теперь нѣтъ своей самобытной, въ душѣ выношенной, мысли: его миѣнія не выношены въ душѣ, а вынесены съ заграничныхъ книжныхъ рынковъ и, взятыя вмѣстѣ, ниже всякой научной критики. Въ самомъ дѣлѣ, когда этотъ, только на чужихъ плечахъ высокій, мыслитель то явно не признаетъ законности брака, то слезно оплакиваетъ жертву незаконнаго сожитія; то что же остается дѣлать его читателямъ? — кажется, только и остается: тоже оплакивать — издѣвательство писателя надъ здравымъ смысломъ своихъ читателей. Но скажутъ: нѣтъ у него науки; однако, соблазнительно то, что его слава гулко несется и по салонамъ, и по вагонамъ, и крикливой птицей летаетъ за границей... Такъ что же? — исторія хорошо знаетъ, какъ толпа скоро и громко прославляетъ и какъ она же скоро и рѣшительно забываетъ своихъ кумировъ. Кому теперь извѣстенъ, напримѣръ, грамматикъ Апіонъ? — а вѣдь молва объ его имени нѣкогда гудѣла отъ края до края Греко-римской вселенной. И самъ Цезарь, всемогущій Тиверій, не иначе говорилъ о немъ, какъ: это — „колоколь міра“. Но истинно знаменитый натуралистъ Плиній, прислушиваясь ближе къ этому колоколу, сказалъ: „нѣтъ, это — барабанъ собственной славы“. И Плиній былъ правъ, ибо тщеславный грамматикъ давно забытъ. — Нѣтъ, геній истиннаго вѣдѣнія покоится на пирамидахъ знаній, пріобрѣтенихъ вѣковыми трудами обширнаго сонма самоотверженныхъ труженниковъ — ученыхъ... А, вѣдь, нашъ мыслитель только ученикъ двухъ — трехъ заграничныхъ мыслителей и такихъ, коимъ отнюдь не принадлежитъ монументальная ученость, и даже не усердный ученикъ, особенно Ренана и Рейса, и не могъ быть достаточнымъ для этого. Вѣдь Ренану и Рейсу принадлежитъ огромная эрудиція въ области литературъ классическихъ и восточныхъ, а графъ Толстой? — онъ не окончилъ грамматики ни греческой, ни еврей-

ской, хотя принимался было за обѣ сразу. Такой „не свой“ мыслитель заслуживаетъ только одного—обличенія, задумшевнаго, истинно пастырскаго обличенія съ любовью во Христѣ. Посему-то любвеобильный Архіепископъ хорошо поступалъ въ домашней бесѣдѣ съ графомъ, когда говорилъ ему только отъ души: „Графъ, согласитесь, вѣдь право мы не умнѣе всѣхъ; напрасно вы придумываете новое Евангеліе,—повѣрьте, что вселенская Церковь Христова знаетъ своего Господа Спасителя, свято содержитъ завѣтъ Его, девятнадцать вѣковъ неповрежденно хранитъ Его вѣчную Истину въ Его словѣ, ею живетъ, ею спасается, ею побѣждаетъ и прославляется ею!..“ Такъ и только такъ говорилъ отъ своего цѣлаго сердца Архіепископъ Никандръ поврежденному сердцу Графа Толстого—даровитаго писателя, но несамостоятельнаго мыслителя, напротивъ, поработченнаго крайнимъ направлениемъ европейской мысли.—Обличеніе Архипастыря скоро обнаружило, что Графъ мнитъ себя именно умнѣе всѣхъ и горделиво твердитъ, будто бы ему только и доступно истинное разумѣніе подлиннаго Евангелія. Что же оставалось дѣлать Архипастырю съ сыномъ такой гордыни?—конечно, слѣдовать тому, что внушилъ и заповѣдалъ Господь о врагахъ церкви: „буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь...“ И это святое слово Господа стало роковымъ приговоромъ для обличаемаго.

Съ легкой руки легкомысленнаго Э. Ренана, графъ Толстой и теперь еще артистически кощунствуетъ надъ Евангеліемъ; онъ безъ смущенія, повидимому, не чувствуя никакой отвѣтственности за соблазны, проповѣдуетъ „свою вѣру“—обожаііе временной жизни, съ ея временнымъ благомъ,— проповѣдуетъ любовь низменную—„любовь къ любящимъ насъ“. Но, по слову Господа,—„не тоже ли дѣлали мытари“?..—„Не такъ ли поступали и язычники?“ (Мѡ. 5, 46—47).—И чья же совѣсть согласится съ тѣмъ, будто яркія краски художественныхъ картинъ прелюбодѣянія могутъ вызвать чистоту цѣломудрія?—Картины сладострастія, гдѣ бы они ни открывались—на страницахъ художественнаго романа въ Ясной Полянѣ или въ какомъ либо бродячемъ музеѣ-балаганѣ—не охлаждають страстныхъ вождельній!—Нѣтъ, чистая любовь воспламеняется не изъ-подъ праха разбитаго сердца, испещереннаго необузданной страстью,—здѣсь она снова гаснетъ—въ бурѣ порочныхъ помысловъ: святая любовь возжигается пламенемъ вѣры въ божественную любовь Сына Божія къ намъ, и Его святая Кровь есть единственный источникъ святой братской любви къ людямъ!

И вотъ почему, когда на волнахъ влокающей европейской мысли и жизни, могучій духъ родного и столь талантливаго Графа, по слову Златоуста, „потерпѣлъ совершенное кораблекрушеніе“, то сугубо скорбѣлъ о немъ Тульскій Архипастырѣ и патріотъ Никандръ, и эта скорбь сошла съ нимъ въ могилу....

Въ то время, какъ тихо и мирно шла жизнь и дѣятельность глубокаго старца Архіепископа Никандра, общественная жизнь развивалась бойко и всесторонне. Настояла потребность въ дѣятелѣ энергичномъ по преимуществу. Такимъ и былъ преемникъ Преосвященнаго Никандра Преосвященный Иринеи, — Владыка съ примѣрной энергіей, съ выдающеюся инициативой: всѣ дѣятели края, и свѣтскіе и духовные, не сбивчиво знали это и видѣли, что на жезлѣ этого Архипастыря какъ будто вырѣзаны были слова: „впередъ и скорѣ!“ — Сфера церковной дѣятельности расширилась, церковныя учрежденія оживились, исполнительные органы епархіальнаго управленія строже дисциплинировались. Взору наблюдателя представились выдающіяся явленія: церковная школа выступила на первый планъ и, такъ сказать, заслонила собой другія; православіе подало руку помощи старообрядчеству чрезъ единовѣріе, въ новомъ храмѣ, близъ самой кафедры епископа; безпрепятственно и лицомъ къ лицу съ православіемъ сталъ и католическій костельчикъ, какъ свидѣтель терпимости и нашей вѣры, и нашей Церкви, хотя и не союзникъ ея. Безъ сомнѣнія и пастырямъ и архипастырямъ Тульскимъ онъ всегда и крикливо будетъ напоминать слова Господа: „и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести, и будетъ едино стадо и единъ пастырь!“ —

Преосвященнѣйшій Владыка! Не мнѣ бы или, можетъ быть, не теперь бы говорить о дѣлахъ дней Вашихъ. Но Господу угодно было, чтобы три года архипастырскаго служенія Вашего принадлежали уже истекшему столѣтію исторіи Тульской церкви. Годы эти служатъ полнымъ и всестороннимъ заключеніемъ исторіи лѣтъ предыдущихъ. Да будетъ же и мнѣ позволено, въ заключеніе своей рѣчи, остановить свой взглядъ на этомъ послѣднемъ историческомъ трехлѣтіи.

Первый долгъ святителя, коему дана „благодать возблагодать“, — тотъ, чтобы преподавать дары благодати вѣрующимъ въ таинствахъ. А важнѣйшее изъ таинствъ совершается въ дому Божіемъ. Отсюда, потребность въ устроеніи дома Божія и удовлетвореніе оной есть дѣло первой необходимости и первой важности, въ особенности тамъ, гдѣ такъ быстро воз-

растаетъ число гражданъ и такъ сильно обуреваются грѣхомъ при всяческихъ соблазнахъ модной гражданской суеты, какъ это есть и въ нашемъ многолюдномъ городѣ. Не здѣсь-ли возрасла потребность покаянія? не здѣсь-ли потребно непремѣнное освященіе каждому? Не здѣсь-ли нужны жертвенники и храмы?—Такъ и Господь внушилъ Вамъ созидать храмы, чтобы назидать души. И эти храмы украшаютъ городъ и оздоравливаютъ души вѣяніемъ всесозидающаго Духа Божія!—

Не только здравья, но и святая начала жизни, полагаемая церковію и семьей, не рѣдко расшатываются односторонней школою или односторонне образованными дѣятелями школы: сему должна противостать церковная школа, съ ея неизблемой основой — Евангельской истиной, существенно необходимой для воспитанія всѣхъ и cadaго. — Вами множицею умножены церковныя школы и очень замѣтно умножается интересный типъ школы, — „школа-церковь“, какъ-бы въ рѣшительное свидѣтельство, что церковь и школа не только должны быть въ союзѣ, а даже, такъ сказать, подъ одной кровлей и подъ сѣнію одного знамени Креста Господня, чтобы жить и дѣйствовать въ одномъ духѣ — крестной любви Христовой. Но, чтобы руководить дѣломъ воспитанія народа, духовенство должно умножать свое образованіе и усовершенствовать воспитаніе своихъ дѣтей, особенно воспитаніе ихъ. Идя на встрѣчу этой потребности, духовенство теперь же созидаетъ второе Епархіальное женское училище. И это послѣднее дѣяніе вполне достойно послѣднихъ дней истекшаго вѣка.

Есть въ предѣлахъ церкви Тульской и высшія церковныя училища, это — иноческія обители. Что бы ни говорили про отдѣльныхъ монаховъ, и каковы бы они ни были, такъ-сказать, сами у себя; а монастыри остаются и пребудутъ устоями народнаго благочестія и училищами идеальной любви сердца, постоянно обращеннаго къ небу. И въ этомъ отношеніи благословилъ Господь Церковь Тульскую въ послѣднее время устроеніемъ Успенской-Иверской обители въ с-цѣ Борщевомъ (Вен. у.), а за нею возникаетъ еще Богородичная при с-цѣ Липовѣ (Крапив. у.). Это новые столпы благочестія, новые проповѣдники крестоносной любви Господа. А это должно быть отрадно и дорого тѣмъ болѣе теперь, когда и самая идеальная любовь христіанская поддѣлывается и искажается суетнымъ практицизмомъ.

Сравнительно въ недавнее время европейская мысль, стоя на почвѣ социализма, выработала понятіе о любви свое, огра-

ничивъ ее исключительно однимъ предметомъ, это—любовь человека къ человеку бѣдному, въ видѣ помощи—подавни отъ богатаго; теперь съ усердіемъ стараются навязать такого вида любовь христіанству и проповѣдуютъ модный абсурдъ будто бы благотворительность составляетъ даже сущность христіанства. Въ устраненіе такихъ неправильныхъ понятій о христіанской любви противостоятъ въ жизни церковныя попечительства, дѣйствующія совершенно въ библейскомъ духѣ: они посвящаютъ свои лепты и на алтарь Божій, и на украшеніе св. храмовъ, и на благо просвѣщенія, и на милосердіе, но именно и только ради Христа, а не во имя отвлеченнаго равенства всѣхъ и cadaго. Множицею умножены Вами и церковныя попечительства.

Наконецъ, ни въ какое время такъ, какъ въ наше, не развивалось русское народное историческое самосознаніе: сначала мысль отдѣльныхъ выдающихся мыслителей-патріотовъ сама обратилась, а теперь и высшіе руководители образованія обращаютъ ее на свою исторію, на свой бытъ, на самихъ себя,—именно въ дѣлѣ школьнаго образованія. На сей разъ указаніе Правительства энергично поддерживаютъ и представители самого общества. Такъ, на сихъ дняхъ гр. Левъ Толстой—Младшій открыто, громко и честно заявляетъ: „Мы, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, русскіе юноши, кончивъ гимназію, не имѣемъ понятія о русскомъ народѣ, о русскомъ государствѣ и исторіи ихъ, хотя и учились этому... Мы не знаемъ, ни какъ живетъ нашъ народъ, ни каково устройство его жизни, ни какими законами онъ управляется; мы не знаемъ его языка, обычаевъ, нравовъ, прекрасныхъ пословицъ и пѣсенъ,—мы ничего этого не знаемъ“¹³⁾. Справедливо. Но педагогической цѣли въ этомъ дѣлѣ служить прямо и прежде всего изученіе памятниковъ прошедшей народной и церковной жизни. Весьма примѣчательно, что первый епископъ Тульскій, Меодій, имѣлъ цѣнную коллекцію ископаемыхъ остатковъ прошлой жизни. Пр. Димитрій сильнѣйшимъ словомъ поучалъ свято чтить память предковъ и мѣста ихъ вѣчнаго покоя. Пр. Алексій особенно любилъ древности храмовъ и повелѣвалъ ихъ блюсти съ любовью. Пр. Никандръ благословилъ устройство постояннаго храненія памятниковъ древности. А Вы, Владыка, подарили грядущему вѣку цѣлую благоустроенную „Палату“ для храненія мѣстныхъ памятниковъ древ-

---

¹³⁾ „Русское Слово“. 1899 г. Окт. 11. № 281, стр. 2.

ности. Она несомнѣнно будетъ напоминать всѣмъ, желающимъ помнить родство свое съ прошлымъ, и—не чрезъ сто лѣтъ разъ, какъ нынѣ, а постоянно напоминать, „какъ предки жили и трудились, оберегая святыни Вѣры и народности“...

Такъ вотъ и теперь, при внимательномъ наблюденіи прошлаго, нельзя не видѣть, какъ нельзя и не сказать, что Церковь Тульская, какъ тяжело нагруженный корабль, направляясь къ вѣчной пристани своей—„ко граду Бога живаго—Иерусалиму небесному“, шла впередъ поступательно и безбѣдно, какъ при благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ общественной жизни: ея дѣятельность постоянно усиливалась; ея силы развивались; ея вожди—епископы твердо и доблестно стояли при ней и за нее,—ихъ стопы не опускались ниже крыль ихъ епископскаго орла!—А въ этомъ очевидно свидѣтельствуется, что въ Церкви Тульской, какъ и во всей Церкви православной Россійской, неотступно присутствуетъ все созидающая и охраняющая все благодать Божія.

Да будетъ же въ Церкви Божіей и да пребудетъ въ Церкви Тульской слава Богу, благодателю нашему во вѣки!

Октябрь, 17.

1899 г.

Тула. Печатать позволено. 1899 г. Ноября 8-го.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Цановъ*.

Тула. Типографія И. Д. Фортунатова.